

РЕЦЕНЗИИ

© 2002 г., ЭО, № 3

Этикет у народов Юго-Восточной Азии. СПб., 1999. 192 с.

Сборник, изданный под редакцией Е.В. Ивановой и А.М. Решетова, представляет собой продолжение цикла исследований стереотипов поведения в процессе межличностного взаимодействия в различных странах азиатского континента¹. Одна из важнейших особенностей рецензируемой книги – то, что она написана живо и увлекательно, насыщена запоминающимися примерами, подчеркивающими особенности общения в различных странах Юго-Восточной Азии, и вызывает неослабевающий интерес. Прочитав эту работу, уже не сделаешь досадных ошибок, грубых нарушений правил поведения в этих культурах. В сборнике приводятся запоминающиеся примеры, как безобидные (с точки зрения европейцев и американцев) действия приводили к серьезным конфликтам. Так, один советский гражданин, будучи в Бирме, в кинотеатре дотронулся до руки билетерши в знак признательности, а преподаватель-американец в Таиланде воткнул в волосы своей студентке цветок.

Безусловно, настоящее издание состоит не только из перечисления интересных фактов. Данный сборник – это серьезные исследования, посвященные психокультурным особенностям народов Юго-Восточной Азии. Тщательно собранные, систематизированные и осмысленные эмпирические данные – богатая почва для размышлений, сравнений и выводов относительно целого ряда вопросов: этикет как этнодифференцирующая характеристика, проблема национального характера, национально-особенное «я» как форма изучения идентичности и др.

Анализ этикета представляется мне «мостиком», соединяющим традиционное этнографическое изучение быта народов с более обширным полем исследований культурной антропологии. Издания, посвященные этикету, это также и бесценное подспорье как для преподавания, так и для изучения студентами этнологии и культурной антропологии, учебных курсов «Этнопсихология», «Психологическая антропология», «Культура и личность».

Как было отмечено, рецензируемый сборник содержит весьма существенные данные для изучения ряда вопросов, актуальных для современных культурно-антропологических исследований. В первую очередь это информация о различных формах невербальной коммуникации, особенностях межличностного взаимодействия, описываемых отношением «я – другие», данные о способах удовлетворения потребностей в общении и единении, о взаимоотношении культурной и конфессиональной идентичности, а также, возможно, использование понятий «сенсотип», «территориальность» для сравнения различных культур. Особенно тесно коррелируют проблемы, рассматриваемые в сборнике, с изучением этологии человека и психо-антропологическими исследованиями.

Сборник включает общетеоретическую вводную часть, исследования, посвященные Бирме, Таиланду и Вьетнаму, а также работы, анализирующие речевой этикет у народов Индонезии и отдельно у народов Явы и «тайные» мужские ритуалы ифугао.

Статья М.В. Станюкович, написанная на основе литературных данных и полевых материалов автора, посвящена рассмотрению воинских ритуалов племени ифугао, практически не затронутых христианством: до середины XX в. здесь сохранялась традиция «охоты за головами» и другие жестокие обычаи (так, если нападение было успешным, то воины стремились унести не только голову, но руки и ноги жертвы). Среди ифугао был распространен и обычай кровной мести.

Особенность исследования М.В. Станюкович в том, что реальные ритуалы она сравнивает с вымышленными, фантастическими, получившими отражение в эпической истории ифугао, исследуя при этом регулируемую функцию этикета в «эпических» единоборствах. М.В. Станюкович анализирует источники реконструкции женщинами-сказительницами не существующего в реальности воинского этикета, важнейший из которых – «перевернутое изображение обрядового боя между ближайшими родственниками жениха и невесты» (с. 188). Такая обрядовая битва, происходящая, если жених и невеста состоят в достаточно близком родстве, не позволяющем вступить в брак и «на ритуальном уровне манифестирует отсутствие

родственных отношений между ними, делая противозаконный брак законным» (с. 188). Определенная роль отводится в исследовании пространственно-временным характеристикам этикетной ситуации.

Конкретной проблеме регламентации регулирования поведения в полиэтническом обществе, прежде всего посредством речевого этикета, посвящена статья «Индонезийский этикет» (авторы – Ю.В. Бодрова, Е.В. Ревуненкова). Рассматривая этикетные стили (нейтрально-разговорный, высокий, или почтительный, и фамильярный), авторы выявляют систему регламентации общения. Интересны в этом плане разнообразные формы приветствий. Это может быть «Доброе утро», «Добрый вечер», мусульманское «Мир вам» или «Добро пожаловать». При использовании фамильярного стиля то же самое будет звучать как «Привет», «Ты куда», «Почему ты здесь» (с. 136, 137). Очень важны в Индонезии, особенно на официальных мероприятиях, первые слова, обращенные к аудитории – «Высокочтимый», «Матери и отцы» (к достаточно пожилым людям), «Братья и сестры» (к людям, близким по возрасту к выступающему) (с. 138). Существует в Индонезии и стереотипная концовка публичного выступления. В данном исследовании показано, что сложные лексические нормативы не мешают индонезийцам быть очень общительными даже в городском транспорте.

В статье А.К. Оглоблина на примере народов Явы детально рассмотрена проблема этикетных стилей. Автор реконструировал общий характер системы речевого этикета, выделил основные структурно-логические лексические составляющие, уделил внимание историческим предпосылкам формирования этикетных стилей. В яванском языке автор выделил четыре разряда лексики (три выражают различные степени официальности, один – почтительность). Это *нгоко* («тыкающий») – неофициальный разряд, *кромо* – официальный разряд, *мадью* – средний (полуофициальный) разряд и *кромо инттил* – почтительная лексика (с. 159–160).

Если статьи А.К. Оглоблина и М.В. Станюкович – примеры конкретных исследований, то статья Ю.В. Бодровой и Е.В. Ревуненковой сочетает анализ конкретной (стили речевого этикета) и общей проблемы этикета в Индонезии.

В отличие от этих работ, вводная часть («Введение») и статьи, рассматривающие бирманский, вьетнамский и особенно тайский этикет, представляют собой более целостные и разнообразные исследования той роли, которую играет регламентация стереотипов поведения в определенной культуре. Многообразие аспектов этикета, затронутых в указанных статьях, делает их особенно ценными для различных учебных курсов.

Очень удачно, на мой взгляд, написано «Введение», поскольку оно не просто формально выполняет функцию предисловия, но является концептуальной частью сборника. Во «Введении» ясно и четко поставлена исследуемая проблема, даны исходные определения, намечены основные направления изучения этикета. Этикет авторы вводной статьи определяют как «совокупность исторически сложившихся норм, определяющих правила поведения членов общества в различных жизненных ситуациях, связанных с общением – устным и письменным, с помощью речи или жестов, мимики, поз» (с. 5).

Этикет рассматривается в качестве этнодифференцирующего признака, проявляющегося в коммуникативных процессах. В исключительных случаях неумение использовать речевой этикет ведет к отторжению человека от той или иной общности (так, на Яве несоблюдение речевого этикета ведет к лишению права называться яванцем). Существенно, что во вводной части подчеркивается фундаментальность проблем, связанных с анализом невербальных форм общения. Это касается как паралингвистических моментов (тональность, темп, громкость разговора), так и особенностей выразительных движений (мимика, позы, жесты и т.д.).

При анализе этикета важно выявить значимость таких моментов, как ориентация в пространстве, символизм частей тела и форм приветствия при встрече. Указанные аспекты исследования этикета характерны для всех статей сборника. По мнению авторов вводной части, более или менее регулярное нарушение этикета «дает импульс к дестабилизации общества и является свидетельством наступившего в нем хаоса» (с. 8). Единственное, в чем трудно согласиться с авторами вводной части – не совсем корректное высказывание о том, «что культуре общения этносов в трудах зарубежных ученых не уделяется специального внимания» (с.7). Это не совсем так. Дело в том, что данный круг проблем специально исследуется не этнологией, а этологией человека.

Во всех статьях сборника используются единые рубрики, в соответствии с которыми рассматриваются особенности стереотипов поведения: «Возрастная и социальная стратификация», «Внутрисемейные отношения», «Гостевой этикет», «Половая стратификация», «Сексуальный этикет» и «Ориентация в пространстве». Естественно, что указанные вопросы раскрываются с той степенью полноты, которую могли и хотели достигнуть авторы.

Так, в относительно кратком очерке «Вьетнамский этикет» (авторы – И.С. Быстров, Н.В. Григорьев, Н.В. Станкевич) содержание указанных рубрик раскрыто довольно. На особенности вьетнамского этикета оказало влияние сосуществование в этом обществе трех религиозных учений: буддизма, конфуцианства и даосизма. В колониальный период к ним добавилось достаточно мощное воздействие католицизма. Однако во вьетнамском этикете все же явно прослеживается азиатское культурное ядро. Это такие нормы, как почитание старости, сдержанность в эмоциях у мужчин и более раскованное (особенно в речи) поведение женщин и детей. Почитание старости проявляется как в нормах общения, так и в следующих деталях: для принятия пищи людям, достигшим 60 лет, выделяются столики на троих, 70 лет – на двоих, 80 лет – на одного. Так же как и во многих других азиатских странах, во Вьетнаме улыбка и смех нередко служат формой уклонения от ответа и маскировкой эмоций.

Вьетнамцы обожают при каждом удобном случае садиться на корточки, не считают зазорным выпить в гостях и не стесняются слез на публичных собраниях (с. 127). Во время беседы вьетнамцы почти не жестикулируют. Манить к себе кого-то пальцем, указывать пальцем на лицо собеседника считается непристойным: «Подзывая к себе человека, вьетнамцы машут рукой сверху вниз (подобно жесту прощания в Европе). Специфически вьетнамским является жест, выражающий удовольствие или удовлетворение. *gung duc* – дрожание бедра у сидящего человека» (с. 126–127).

Во Вьетнаме придерживаются правил пространственной ориентации при строительстве жилищ и при проведении похоронных церемоний. Вьетнамцы часто ходят в гости, у них сохранился традиционный этикет встречи гостя и застолья. Так же как и в других странах Юго-Восточной Азии, во Вьетнаме нет универсальной речевой формы приветствия, но в отличие от других культур распространено рукопожатие. Эквиваленты русского «Как дела?» или обычного приветствия во вьетнамском этикете более конкретны, идут от ситуации: «Гулять идете?», «Не холодно вам?», «Как настроение?» Или: «А, вы работаете!», «Что, овощи сажаете?» (с. 115).

В более развернутой форме система этикетных правил представлена в исследовании А.Ю. Синицына «Некоторые аспекты традиционного бирманского этикета». Доминирующее положение в бирманском обществе занимает буддизм. Это обстоятельство накладывает существенный отпечаток на всю систему норм и правил повседневной жизни. Отец и мать – главная буддийская драгоценность, поэтому почитание родителей – главная добродетель ребенка. Воспитание детей начинается с пяти лет. Им прививают основные буддийские правила (не убий, не воруй, не лги). Отношение к детям мягкое и ласковое.

Воспитывая, обращаются к положительным примерам и поучительным рассказам, а не к побоям. Придерживаются мнения, что «надо считаться с настроением ребенка – настроение (*тэбо*) есть у каждого человека, будь то ребенок или взрослый, и его принято уважать» (с. 18). Однако ребенка могут побить, если он нарушит одну из буддийских заповедей (например, убьет птицу из рогатки). Интересно, что если дети вырастают «достойными», то это считается заслугой родителей и хорошим деянием, улучшающим их карму. Если же дети «недостойные» – это не вина, а беда родителей, но к «потере лица» не ведет (с. 18). Буддийские ценности предопределяют и взаимоотношения в семье. Особенно это касается споров между сыном и отцом. Если, по мнению ребенка, отец не прав, то сын не может спорить с родителем, а должен обратиться к деду или монаху, чтобы тот поговорил с отцом (с. 15).

Монахи занимают в бирманском обществе особое положение. Всякий монах по отношению к мирянину – святой. При встрече монахов приветствуют первыми миряне, во время церемонии и в гостях монахи сидят выше мирян или хозяев. Исключительность статуса монаха подчеркивает один обычай: женские волосы в Бирме считаются священными, поскольку они принадлежат Будде. Прикосновение руки к волосам девушки считается тяжким оскорблением. Но «благочестивые бирманские девушки нередко падают ниц перед монахом так, чтобы волосы устилали ему путь. Если монах наступит на женские волосы, они от этого станут еще более пышными и красивыми» (с. 29). Сами монахи делятся на несколько категорий. Низшая – женщины, ведущие монашеский образ жизни. Высшая – *поунджи* – монах, проведший в монастыре более десяти лет и обладающий силой *поун*.

Поун – многозначное понятие: это и слава, и честь, и некая абстрактная сила, играющая большую роль в регламентации отношений между мужчиной и женщиной. Жена должна строго соблюдать правила этикета и сохранять поун мужа (ходить сзади и слева, не должна вытирать ноги в сторону мужа, если они сидят на полу и т.д.). Бывают случаи, когда женщина сознательно хочет уничтожить поун мужа. Для этого она подметает пол у его головы и бросает юбки поверх его подушки (с. 21).

Все это вовсе не означает, что женщина занимает полностью подчиненное положение в семье. Нередко главенство мужа чисто формальное, а реально хозяйством руководит жена. При этом надо иметь в виду,

что в Бирме (в сельской местности) распространена совместная (семейная) собственность (дом, пруд, рисовое поле). «Общинность» выражается и в совместной трапезе «из одного котла» (отсутствие на трапезе – грубое нарушение этикета). В то же время роли мужчин и женщин в семье взаимозаменяемы. В критические моменты мужчина может выполнять женскую работу (с. 14). Женщина, родившая четырех сыновей, считается достойной жизни на небесах (с. 22). Правда, чтобы достигнуть нирваны, ей надо сначала перевоплотиться в мужчину. Профессии, требующие общения с незнакомыми мужчинами (стюардесса, журналистка, киноактриса), осуждаются. Замужней женщине неприлично появляться в городе одной после шести вечера, в отсутствие мужа нельзя принимать гостей-мужчин. Любая вне- или добрачная связь женщины ведет к «потере лица». Интересно также, что поделуи в Бирме запрещены, и влюбленные трутся носами и обнюхивают друг друга (с. 24).

Проблема статуса в бирманском обществе связана с половой принадлежностью, возрастом, семейным положением, иногда – с профессией. Очень высок статус Учителя – преподавателя. Все же важнейший критерий – возраст и прохождение особых церемоний – праздников, знаменующих изменения в статусе. Всего в Бирме насчитывается более 20 возрастных классов. Еще до женитьбы молодой человек или девушка проходят 12 этапов (рождение, помещение в колыбель, первая стрижка волос, первое кормление рисом, первое посещение монастыря и др.) (с. 40).

Фундаментально, разносторонне и интегративно исследована система этикетных правил в статье Е.В. Ивановой «Тайский этикет». Автор использует многие работы зарубежных авторов, в том числе книгу Р. Бенедикт «Тайская культура и поведение», и затрагивает проблему генезиса норм и правил, регулирующих поведение в обществе, связывая их с придворным этикетом тайских королей. Оживляют повествование свидетельства первых европейцев, общавшихся с сиамами в XVII в. и заставших еще церемонии придворного этикета.

Анализируя общую систему этикетных правил, Е.В. Иванова рассматривает проблему соотношения индивида и общества и показывает, что этот вопрос – ключевой для понимания психологии тайской культуры. Среди фундаментальных исследований, к которым автор в этой связи обращается, работа Х.Р. Филлипа «Личность тайского крестьянина: модели межличностного поведения в деревне Банг Чан» (1965), статья Дж. Эмбри «Таиланд: свободно структурированная социальная система» (1950) и монография В.К. Клаузнера «Размышления о тайской культуре» (1983).

Свобода, некоторая неопределенность социальной структуры тайского общества способствуют развитию индивидуального стремления к преуспеванию и удовольствию. Но, с другой стороны, эти личностные стремления ограничиваются иерархическим устройством общества и строгостью этикета, что обеспечивает постоянство и стабильность. Большинству европейцев бросается в глаза необязательность тайцев. Эту черту наиболее рельефно выделил Дж.Ф. Эмбри: «Чем дольше живешь в Таиланде, тем больше поражаешься почти полностью детерминированным отсутствием регулярности, дисциплины, регламентации в тайской жизни. По сравнению с Японией Таиланду не хватает точности и дисциплинированности, по сравнению с американцами тайцам не хватает уважения к административному порядку, "индустриального" чувства времени» (с. 51).

По мнению автора статьи, данная черта культуры Таиланда тесно связана с верой в непредсказуемость и неопределенность кармической реализации. В то же время в исследовании приведена точка зрения А.В. Гордона о том, что тайландское общество ориентировано на неизменность, а не на приумножение ресурсов. Тайцы видят способ улучшения своего положения в создании сети личных связей (с.52). При этом нельзя забывать, что неопределенность и «рыхлость» отношений исчезают в сфере традиционных ценностей. В первую очередь это относится к сфере взаимоотношений с родителями и старшим поколением в целом, а также к регламентации поведения в семье.

Свобода поведения индивида компенсируется строгим соблюдением многих этикетных правил, приучение к которым начинается с самого раннего возраста. Первое общественное действие, которому начинают обучать ребенка уже в возрасте двух недель от роду, – умение прикладывать ручки ко лбу в знак почтительности к старшим (с. 70). Таким образом, задолго до того как малыш научится ходить, его обучают хорошим манерам. Приучение к этикетным правилам продолжается и в детском саду, где детям запрещено быть забияками, громко говорить и хвалиться. Ядро межличностных отношений лучше всего характеризует наблюдение Р. Бенедикт, приводимое Е.В. Ивановой. Двухлетний мальчик, указывая на живот беременной матери, сказал: «Здесь мой младший брат. Когда он родится, он будет слушаться меня» (с. 71).

Еще одна проблема, фундаментальная для понимания сущности тайской культуры – представление об идеальном типе личности. По мнению Е.В. Ивановой, огромное значение здесь играют буддийские ценности (умеренность, сдержанность, неагрессивность) и фигура монаха, которому оказываются всеобщие почести. При этом «для каждого мужчины в традиционном тайском обществе пребывание в монастыре является необходимым для жизни этапом... одним из обрядов жизненного цикла, без которого он не будет признан зрелым, готовым к образованию семьи». Особо хотелось бы подчеркнуть, что «наивысший престиж связывается не с силой и властью, а с наибольшим уважением со стороны окружающих» (с. 58). Считается желательным обрести такие качества, как умение «держаться в руках» и «сохранять чувство достоинства» (комплекс «холодного сердца»), а также избегать конфликтов, ссор, отсутствие враждебности в поведении.

В целом, как справедливо отмечает автор исследования, поведение человека в современном тайском обществе находится в прямой зависимости от статуса, возраста и пола. Особое внимание уделяется регламентации поведения женщин. Е.В. Иванова подразделяет эту часть системы этикетных правил на: 1) общий статус женщин; 2) отношение к девушкам до брака; 3) взаимоотношение мужчин и женщин в семье; 4) оценка внебрачных связей; 5) отношение женщин с миром посторонних мужчин.

Поведение женщин довольно строго регламентировано, но они обладают в Таиланде достаточной независимостью. Степень свободы женщин в последнее время возросла. Традиционно в Таиланде мужчин сравнивали с передними ногами слона, а женщин – с задними. В настоящее время стали говорить, что «слон пятится» назад, о «структурном господстве женщин» и «идеологическом господстве мужчин» (с. 63). Женщины имеют право торговать в городе, они держат в руках семейные финансы, мужья советуются с ними по всем важным вопросам семейной жизни (с. 64). В тайском обществе строго охраняется личная неприкосновенность женщин: если притронулся к девушке – штраф, за склонение к добрачной связи наказание вплоть до смерти (на юге Таиланда) и т.д.

Особенно строго соблюдается символика «верха» и «низа». Ни под каким предлогом нельзя дотрагиваться до волос женщины. Доставать что-либо ногой или указывать на что-либо или на кого-либо ногой считается верхом неприличия. Поэтому нельзя сидеть «нога на ногу», так как в этом положении одна нога может быть направлена в сторону какого-либо человека (с. 81–82).

Символизм «верха» и «низа» существенно влияет на устройство традиционного жилища в Таиланде. Оно может быть только одноэтажным (в случае двухэтажного здания только второй этаж жилой), поскольку в ином случае чьи-то ноги («низ») будут над головой («верх») жильцов нижнего этажа, что недопустимо по нормам тайской культуры. В каком-то смысле, видимо, рассмотренный символизм повлиял на традиции, связанные с «правильной», благоприятной ориентацией по сторонам света как при организации «личного пространства», так и при планировке дома: север всегда благоприятнее юга, а восток – запада. По сведениям автора, тайцы стремятся придерживаться ориентировки в пространстве везде – дома, в поездке, при устройстве церемоний и т.д. Эта традиция получила отражение в языке, и взрослые, прививая такой стиль мышления ребенку, нередко «просят его подвинуть что-либо "немного севернее"» (с. 82).

В завершение Е.В. Иванова специально рассматривает систему мер и способов избегания конфликтов в тайском обществе (с. 92–101). Отличительная особенность данной статьи – анализ взаимодействия конфессиональных и этнокультурных факторов в регуляции поведения. Автор постоянно акцентирует внимание на проблеме взаимоотношения религии, психологии личности и особенностей культуры (это, к сожалению, редкое для российских ученых явление). Е.В. Иванова показывает во многом определяющую роль буддизма в функционировании культурных ценностей тайского общества, их значимость при воспитании детей, формировании жизненных установок сельских жителей и в общей системе этикетных правил.

Как мы уже отмечали, представленный сборник содержит много интересного и актуального для исследования ряда проблем культурной антропологии. Опубликованная в данной книге информация нуждается в интегративной интерпретации, контуры которой хотелось бы обрисовать в настоящей рецензии-размышлении. При чтении очерков, посвященных этикету различных культур, возникает идея о иерархической типологии психологии культур и возможности соотнесения типов культур стран Юго-Восточной Азии с классификацией, предложенной Р. Бенедикт (позже модернизирована Э. Фроммом). Речь здесь может идти об «азиатском типе культуры» в целом, о «буддийском» типе культур Бирмы и Таиланда, о культурной идентичности каждой из описанных стран (в виде «национального характера» или национально-особенного «я»).

Эмпирические материалы, представленные в статьях, позволяют реконструировать модель желаемого поведения, свойственную народам стран Юго-Восточной Азии. Качества личности, считающиеся наиболее важными, – уважение к старшим, избегание конфликтов, сдержанность в эмоциях, «боязнь потерять лицо». Если же попытаться описать «азиатский» (точнее, стран Юго-Восточной Азии) «сенсотип», т. е. выразить общую направленность социализации, акцент в развитии (или функционировании) культуры, включающий и чувственный аспект восприятия мира, то, видимо, это – экономность в эмоционально-энергетическом реагировании с большой дозой рефлексивности и верой в предопределенность. Можно это выразить словами: послушание и выполнение традиционных норм поведения. Наиболее же общий для многих азиатских стран, видимо, тип мышления можно определить как интровертно-рефлексивный, во многом метафорически-символический и многозначно-контекстуальный. Типы мышления и мировидения тесно связаны с этикетными нормами поведения (так, во всех рассматриваемых культурах приветствия носят контекстуально-ситуационный, а не универсальный характер). Нельзя не согласиться в этом смысле с высказыванием Д.С. Лихачева, приведенным во «Введении», что подчинение этикету, церемониалу в известной мере овладевало мировоззрением и мышлением человека (с. 6).

Не менее интересен и содержателен «буддийский тип» культуры (Бирма, Таиланд) с его «этосом» – культурным «ядром» (умеренность, сдержанность, неагрессивность). Если обратиться к психологическим типам культуры Р. Бенедикт, то ни один из них не подходит для описания особенностей и доминант поведения в этих странах. Наиболее близок к «буддийскому типу» аскетический вариант «аполлоновской культуры». Общие черты «буддийского» типа культуры в Юго-Восточной Азии (в аспекте поведенческих стереотипов) таковы: невозмутимость (комплекс «холодного сердца»), вежливость, избегание конфликтов, строгая ориентация личного пространства и тела в соответствии со сторонами света, почитание родителей, старших, монахов.

Тем не менее в рамках буддийского типа можно выделить особенности национального характера, проявляющиеся в повседневной жизнедеятельности (например, необязательность, «недисциплинированность» тайландцев, достаточно высокий статус женщин). Таким образом, для понимания смысла культурной идентичности необходимо знание общего типа психологии культур, его региональных и конфессиональных особенностей, а также конкретно-исторических форм функционирования стереотипов поведения, составляющих основу «национального характера» и специфику «я» в той или иной этнокультурной общности. Социокультурные системы в Бирме и Таиланде очень близки к типу обществ «А», описанных Э. Фроммом в работе «Анатомия человеческой деструктивности», и к созидающе-консервативному типу характера.

Как показано в сборнике, фундаментальную роль в регуляции межличностных взаимодействий в странах Юго-Восточной Азии играют различные типы и виды невербальной коммуникации, а также ориентация по сторонам света личного (personal space) и культурного пространства. Обе эти проблемы – предмет межкультурного изучения в этологии человека, тесно связанной с психологической антропологией. Одно из центральных понятий современных «поведенческих» наук (психология, психобиология, культурная антропология (психологическая ориентация), этология человека) – «коммуникация», типы и виды организации межличностного взаимодействия людей в условиях различных культур.

Важнейшими предметами изучения при этом становятся ритуалы, которые определяются как модели поведения, выполняющие коммуникативную функцию и имеющие символическое, «сигнальное» содержание. Весьма существенны для понимания процесса общения, регулируемого правилами этикета, «выразительные движения» – своеобразные атомарные составляющие более сложных церемоний с этнокультурной спецификой (ритуалы встречи и приветствия, ухаживания, обмена подарками, принятия пищи). Хотя такой подход к определению ритуала отличается от принятого в религиоведении и культурной антропологии, все же в этологии человека есть много общего с анализом этикета (и ритуала) в «поведенческой» этнографии. Основное сходство в том, что и при изучении стереотипов поведения в культурной антропологии, и при анализе ритуалов в этологии человека основное внимание уделяется функциональной направленности этого круга явлений (в нашем случае – системе этикетных правил), в первую очередь обеспечивающих гармонизирующее влияние, приводящее к согласованным действиям в межличностном взаимодействии.

Особо хотелось бы выделить проблему биологической детерминации форм невербальной коммуникации, весьма активно дискутируемую в современных межкультурных исследованиях. Материалы рецензируемого сборника наглядно показывают разнообразие форм невербальной коммуникации и их культурную детерминированность: сдержанность в эмоциях может проявляться в определенной мимике лица, как в Таиланде, а может быть выражена в отсутствии жестикуляции руками, как во Вьетнаме.

Достаточно жесткие этикетные правила, существующие в странах Юго-Восточной Азии, с одной стороны, безусловно облегчают процесс коммуникации (поскольку есть четкие правила межличностного взаимодействия), но с другой стороны, ограничивают их разнообразие, что иногда ведет к неполному удовлетворению потребности в общении и уединении.

Говоря о возможных формах интерпретации и использования в других научных дисциплинах данных о системах этикета, хотелось бы затронуть проблему анализа органических последствий поведенческих моделей, распространенных в странах Юго-Восточной Азии. Рассмотрим черту поведения, общую многим азиатским культурам – сдержанность в эмоциях и избегание конфликтов (враждебности, агрессивности и т.д.). Данные черты определяют энергетически экономную стратегию поведения, ограничивают стремление к доминированию (в споре вообще, между мужчинами и женщинами, старшими и младшими). Наиболее яркий пример в этом плане – запрет на спор сына с отцом, разрешение конфликтов только через посредников (деда, уважаемого человека, монаха). По отношению к межличностным отношениям это означает отсутствие явных поражений «в игре по имени жизнь», блокировку отрицательных эмоций, ограничение затрат (часто бессмысленных) жизненных сил. Все это в свою очередь накладывает отпечаток на течение органических процессов, биохимических реакций, лежащих в основе регуляции поведения. Таким образом, появляется очень интересный аспект исследования – система этикетных правил и ее взаимодействие с биологическими особенностями людей. Такой подход позволяет получить целостное знание об индивиде в культуре, преодолеть разрыв между этнографией и биологией (физической антропологией) человека.

Примечание

¹ См.: Этнические стереотипы поведения. Л., 1988; Этикет у народов Передней Азии. М., 1988; Этикет у народов Южной Азии (Индия, Непал, Шри Ланка). СПб., 1999.

А.А. Белик

© 2002 г., ЭО, № 3

И.Х. Тхамокова. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2000. 240 с.

Ныне около 30% населения Кабардино-Балкарии составляют русские. Это второй по численности этнос в республике. Неоценимо высока его роль в экономической и культурной жизни кабардинцев, балкарцев и других народов.

Следует отметить, что нынешние русские – потомки украинских переселенцев, которые в свое время основали целый ряд сел и станиц в Прохладненском и Майском районах; история и культура русских и украинцев в этом регионе неразрывно взаимосвязаны.

До последнего времени в республике не практиковалось системное изучение проблем истории, этнографии, языков, литературы, искусства и других сторон жизни и культуры славянского населения. Оно стало возможным с созданием в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований отдельного сектора, который регулярно проводит фольклорно-этнографические экспедиции в районы компактного проживания славянского населения и накопил богатый материал, послуживший составной частью монографии Ирины Хасановны Тхамоковой «Русское и украинское население Кабардино-Балкарии», опубликованной в Нальчике издательским центром «Эль-фа».

Исследование охватывает период в два с лишним века – со второй половины XVIII в. до настоящего времени – и территорию республики в ее современных границах, выявляет преемственность населения и его культуры в указанных хронологических рамках. Одна из главных задач данной работы – сравнительный анализ традиционно-бытовой культуры проживавших и проживающих ныне в Кабардино-Балкарии различных групп восточных славян: казаков и крестьян, сельских жителей и горожан, русских и украинцев, выявление изменений, произошедших в культуре казачества под влиянием соседних народов.